

Озеро

(Excerpt in Russian)

Translated by: Žana Perkovskaja

Contact of the translator: perkovskaja@gmail.com

Глава 1

Уканц, 31 декабря, воскресенье

– Так вы полицейский? – спросила особа лет шестидесяти с бокалом вина в руке. Точнее, произнесла она что-то вроде: «Тк... вы пльцейск...» – Похоже, она была навеселе. – Чудно!

– Чудно? – переспросил он. – Обычно людям кажется, что у меня чудное имя, но уж никак не профессия.

– Тарас... Ну да, Тарас – тоже странновато, но Тарасов я знаю – Тараса Бульбу и... кого там еще? Но чтобы полицейский...

Она засмеялась, словно сказала что-то смешное.

– Да не полицейский он, – заметила подошедшая к ним женщина, положив Тарасу руку на плечо. – Он инспектор.

Язык подводил и ее: звук «р» в слове «инспектор» несколько раскатился – наверное, она успела выпить не один стакан глинтвейна, подумал Тарас. Со спиртным она не дружит – увы.

– Погоди-ка... Вы что – не знакомы?

Дама постарше надула губки, словно барышня, и стала похожа... на перестарка, работающего под девочку-подростка.

– Познакомишься, как же... мой муж знакомит меня только со своими... целями, а на мои ему...

Тарас улыбнулся, стараясь, чтобы его улыбка не казалась вымученной, и протянул пожилой собеседнице руку.

– Тарас Бирса. Если когда-нибудь неловко припаркуетесь и вам выпишут штраф, позвоните мне.

– Тарас...

Не перебивай, Аленка, – сказала дама, протягивая руку Тарасу и продолжая кривляться. – Не каждый день такая женщина, как я, встречается со столь очаровательным полицейским. Карин. Карин Прелц. Я замужем за человеком, который блистает воон там... – она махнула рукой через просторы гостиной, – и работает вместе с вашей женой. Но это вам наверняка известно. Ну что бы вы были за полицейский, если б этого не знали?

И она опять рассмеялась, как если бы сказала что-то очень смешное. Тарас сделал над собой усилие и тоже рассмеялся. Аленка, видимо, не ощутила в этом необходимости.

– Значит, Бирса? Не знаю ни одного Бирсы.

– А как же Вальтер Бирса¹?

Женщина мотнула головой.

– Футболист. Играет в сборной.

– Ах, я за этим не слежу. Не мое. А почему, – обернулась она к жене Тараса, – ты не Бирса, если за ним замужем?

– Да потому, что мы не расписаны – но стоит ли объяснять это всем и каждому? Не буду же я в эти годы именовать его своим парнем. А теперь, Карин, с твоего позволения, я его ненадолго украду.

Карин снова надула губки, и Тарас подумал, что ей это не идет.

«Ага, раз не муж, то, значит, она его... сотрудница».

Перед словом «сотрудница» Карин взяла паузу, словно ей надо было сглотнуть слюну.

– Делай вид, что мы разговариваем, – сказала Аленка, ведя его за руку через гостиную, к шумной компании, кучковавшейся у барной стойки: судя по всему, там было весело.

– Это еще зачем?

– Иначе эта старая ведьма себя просто сожрет. Еще спасибо мне скажешь. Кстати, зачем ты звонишь на каждом шагу, что ты полицейский?

Быть может, затем, что так оно и есть? – ответил он, не скрывая иронии. – А ты что – не врач?

– Врач, но еще и дольщица в клинике. И ты полицейский, но прежде всего инспектор, есть разница? Если бы ты в этом возрасте был просто полицейским, вряд ли мы были бы вместе. Жил бы себе, скажем, с медсестрой.

– Ого! Спесь из тебя нынче так и прет!

¹ Вальтер Бирса (1986) – словенский футболист, полузащитник итальянского «Милана» и сборной Словении.

– Быть может, и прет, но есть вещи, от которых не отмахнуться. Каждый стремится чего-то достичь. Кто-то довольствуется бóльшим, кто-то – меньшим. Одни так и остаются полицейскими, другие – врачами захолустной поликлиники, но это не про нас с тобой...

Тарас улыбнулся.

– Пусть даже здесь приложил руку богатый папенька, земля ему пухом, – сказала Аленка, взглядывая исподлобья. – Не будем об этом.

– А я разве что-то сказал?

– Сегодня – нет, спасибо. Да, у меня был отец, и я стала тем, чем стала, а не чем-то иным. И мне наплевать на всякие если бы да кабы. («Если бы да кабы» слились в «еслбджбы»). – Да положить мне на все!

– О как!

– Я что – напилась?

– Сколько выпила-то?

– стакан глинтвейна и теперь – вот, – она подняла стеклянный бокал на высокой ножке.

– Значит, напилась, – сказал Тарас, полицейский инспектор Тарас Бирса, однофамилец футболиста Бирса, и обнял ее за плечи. – Давай выпьем еще и за это.

Он подошел к стойке, уставленной бутылками красного и белого, а также всевозможными крепкими напитками, и выбрал выдвинутый вперед бокал с оранжевым содержимым.

– Ну, и за что мы тут пьем?

Пред ними возник седой господин со слипшимися прядями, в очках с невидимой оправой, слегка небритый, в белом пуловере и белых брюках. Доктор Прелц всегда напоминал Тарасу Ричарда Брэнсона². Столь же белые зубы.

– Можно присоединиться?

В руке он держал бокал с белым вином. Под цвет пуловера?

– Ну, так за что мы пьем?

– За ее беременность, – ответил Тарас.

– Тарас, да ты что! Придумал тоже! – сказала Аленка. – Он все врет.

– Давайте выпьем за то, что нам выпала честь принадлежать к одному проценту самого зажиточного населения в мире, – сказал Тарас и поднял бокал.

² Ричард Чарльз Николас Брэнсон, 1950, – британский предприниматель, основатель корпорации «Virgin Group», актер, звезда реалити-шоу. Один из самых богатых жителей Великобритании.

– Правда что. За это стоит выпить, – чокаясь, ответил доктор Прелц. Он тоже уже хорошо принял на грудь.

– У Тараса угрызения совести, вот он и вешает лапшу, – сказал Аленка.

– Да где там! Просто чтоб не запомнить.

– Фу, зануда...

Она повернулась к столу со снедью и протянула руку к подносу, где еще оставалось несколько канапе.

Через пятнадцать минут будет ужин! – воскликнул доктор Прелц – он же Брэнсон, – но Тарас лишь отмахнулся.

– Пусть ест, иначе ее стошнит.

– А сколько она выпила? Вы здесь давно? Минут пятнадцать?

Тарас посмотрел на часы. Без пятнадцати шесть, сказали бы в Любляне. Без четверти шесть, сказали бы в его родных местах.

– Где-то час, но не в этом дело. Она не умеет пить. А еще мы оказались здесь помимо списка – вдруг из-за нас кто-то останется голодным...

– И ты полагаешь, кому-то здесь это навредит?

Прелц развернулся вполборота и, указывая жестом на компанию в гостиной, повторил:

– Ты полагаешь, кому-то здесь это навредит?

Десятка два человек толпилось в самом просторном помещении нижнего этажа дачи, которое позволяло им разделиться на несколько кучек. Причислив сюда Аленку, Тарас насчитал двадцать две персоны – ошибался он в таких случаях редко – профдеформация. Публику составляли семейные пары в летах.

Доктор Прелц вперился в свой бокал, словно размышляя.

– Пойдем, покурим?

– Покурить – с тобой?

– Ну да... Я знаю, ты не куришь. Я выйду покурить, а ты – подышать воздухом, с дымком. Каждому – свое. Ну, пойдем же...

Огибая гостей со спины, они пошли к двери, которая вела на довольно тесную крытую террасу, где все же хватило места для большого деревянного стола и нескольких стульев. Тарас закрыл дверь, подвинул к себе стул, сел. В двух метрах от него бушевала метель. Равномерные, мощные порывы. Холодно не было. Около нуля, подумал Тарас.

– Хорошо, да?

Тарас кивнул.

– Этой даче уже тридцать лет. Я построил ее раньше, чем все наши. Ну, потом и они зашевелились – теперь она как «больница на окраине».

Прелц глянул на Тараса.

– Ты ведь застал этот чешский сериал?

– Про пана Сову³, что ли?

– Ну да...

Прелц просиял, как если бы Тарас сказал ему нечто сверхприятное. Отхлебнул еще и поперхнулся – сделанный с таким воодушевлением глоток чуть ли не полностью оказался тут же, на столе.

– Бляха, а знаешь, как понять, что ты уже старик? Рассказываешь людям анекдот и вдруг чувствуешь, что они не секут. Ты заталкиваешь им про Муйо и Хасо⁴, а в ответ тебе только глазами хлопают. Что еще за Муйо? Какой-такой Хасо?

Он снова поднял бокал и сделал глоток, на этот раз осторожнее.

– Как там Вогел⁵ – снега хватает?

– Когда мы уезжали, начался снегопад, снега хватит. А раньше было мало, приходилось объезжать камни.

– Теперь можно будет поехать и на трассу Жагарьев Грабен, – сказал Прелц. – А что, я люблю. Последним рейсом гондолы на Вогел, глоток шнапса – и домой... Там выпить еще.

Он хохотнул.

– Слушай, Тарас, а что бы вам тут не заночевать? Стоит ли ехать по такой погоде? Оставайся, напьемся, как люди... Ибо звери меру знают... – он опять хохотнул. – Ну, ладно, это мы дадим себе волю, а ты уж цеди свой сок.

Тарас мотнул головой.

– Да давай уж, а утром – по свежему снежку... У меня в сарае найдется пара лишних лыж и башмаков...

Он кивнул на хибарку, расположенную метрах в двадцати, едва различимую во тьме.

– Да дело не в этом... Зимой у меня лыжи и все прочее с собой...

³ «Больница на окраине города» - драматический медицинский сериал производства Чехословакии (1971), основным персонажем которой является врач Пан Сова.

⁴ Муйо и Хасо – персонажи популярных в период существования СФРЮ анекдотов о боснийцах.

⁵ Горнолыжный центр в Словении.

С весны до осени Тарас возил в багажнике своего «ситроена» все, что было необходимо для бега, – ботинки, носки, штаны, футболку и полотенце, зимой – все для беговых лыж.

– Мы условились с дочками – они, встретив Новый год, придут к нам, чтобы всем вместе прогуляться по старой Любляне. А уж если две девицы двадцати лет от роду, которых ты почти никогда видишь, обещают это родителям, то...

– Да, без вариантов, – сказал Прелц. – А где они учатся?

– В Вене, обе, микробиология.

– Ну, тогда будем здоровы, за ваши амбиции!

Поднял стакан, чокнулись, выпили. Затем доктор Прелц извлек из кармана брюк сигаретную пачку, содержимым которой была одна-единственная самокрутка.

– Вот, студентки презентовали...

Прикурил, сделал глубокую затяжку, откинулся на спинку деревянного стула. Тарас уловил запах дыма, облачком взвившегося к своду террасы.

– Ведь ничего, что я вот так? То и дело забываю, что ты...

– Мент?

– Ну, как бы блюстититель. Ничего, что я при тебе выдую косячок? Этим сейчас грешат все.

– Да ладно, – сказал Тарас. – Я не при исполнении.

– Дымнешь?

Тарас покачал головой.

– Ну, а как ты вообще смотришь на это? На легализацию и все такое?

– Да мне как-то по фигу.

– Не, ну ты не должен закрывать на это глаза. Положение обязывает.

Тарасу и в самом деле было все равно. Первейшим правилом, которое он усвоил, проработав в своей профессии четверть с лишним века, было: если ты не в силах повлиять на некое явление – а таких было немало – не пропускай его через себя. Преступность была, есть и будет. Какой-то процент людей всегда примет теньевую сторону. Ну, изымешь ты у гражданина коноплю, так он начнет продавать амфетамины, кокаин, героин... мухоморы, в конце концов. А стоит все это узаконить, так он примется воровать в супермаркетах. Это уж как пить дать.

– Не знаю, – сказал Тарас. – Мне и в самом деле все равно. Вообще-то я занимаюсь мокрушниками, у меня отдел убийств и преступлений на сексуальной почве; дурь – не

мое, это вотчина отдела по борьбе с организованной преступностью и торговлей наркотиками. А ты ведь спец по брюшной полости?

– Ну да, кишки и все такое.

Прелц рассмеялся. Трава действовала.

– Ну, а что насчет легких? Мог бы прооперировать легкие?

– Как сказать... Будь нужда – глядишь, что-нибудь бы да и вырезал. А то, что люди не должны курить, – это факт.

Тут он поперхнулся опять, закашлялся и кашлял довольно долго, а потом засмеялся, да так, что потекли слезы. Снял очки, протер их рукавом пуловера. Будь моя воля, подумал Тарас, наблюдая все это, я бы с марихуаны запрета не снимал. Алкоголь делает человека хотя бы общительнее, а стоит ему пару раз затянуться травкой, и он уже весь в себе. Остриг и тут же хохочет над собственными шутками.

– Твоя жена, – сказал Прелц, – Аленка, – молодцом. Впрочем, она всегда была что надо, еще студенткой, и до сих пор шикарна. Все еще – вполне.

«Спасибо генам», – подумал Тарас. Если бы он столько же времени, как она, просиживал на месте, уже давно потерял бы всякую форму, а ей все еще «тыкали» – скажем, в магазине или в ресторане.

В свои сорок пять Аленка все еще была красива. При ее появлении в обществе взоры мужчин тут же обращались к ней; впрочем, и женщины тоже смотрели только на нее – с завистью. Ее подруги-ровесницы либо обабились, раздобрели, либо посвящали львиную долю времени спорту, проповедовали здоровый образ жизни, вегетарианство, веганство, с фанатизмом предавались йоге... и становились тощими, жилистыми: кости да кожа, как любил говорить Прелц, не за что взяться. У Аленки была красивая фигура и правильные черты лица, которые вроде бы слегка портил островатый носик, однако же и он не вредил общей гармонии и даже, наоборот, создавал шарм. Светлые пряди средней длины летом почти совсем выцветали, но сейчас она выглядела чуть ли не брюнеткой. Когда Тарас с ней познакомился, она была острижена под мальчика. С недавних пор стала отпускать волосы.

– Короткие стрижки – для подростков, – говорила она. – Когда тебе сорок, ты с такой прической смотришься как состарившаяся лесбиянка.

Прелц сделал еще одну глубокую затяжку и отбросил окурок во тьму и снег.

– А уж трахаться мы тогда были мастаки! Ты не поверишь, но эти медички профессору-хирургу дают сразу. Белый халат – в нем что-то есть.

– Мясники тоже носят белый халат, – заметил Тарас.

– Мясники? Ты сказал – мясники?

Он захохотал, и когда уже казалось, что приступ прошел, вновь разразился неумным хохотом. – Мясники! – еще один взрыв смеха. – Мясники!..

– Скажи-ка, Тарас, а ведь мы для вас как бельмо на глазу?

– Кто «мы» – врачи?

– Не только, – сказал Прелц и опять засмеялся. – Все мы: пижоны, бары, буржуазия. Ведь раздражаем? Не парься, Тарас. Мы вечны. И это потому, что мы не привередливы. Что есть – то нам и хорошо. Размножаемся мы половым путем, а уж если с этим никак, то и вегетативно, почкованием. Потому-то нам порой и нужны сторонние влияния, свежая кровь. Ты!

Прелц ткнул в Тараса пальцем и рассмеялся. Похоже, косяк был крайне хорош и крепок.

– Может статья, грянет тот день, – сказал Прелц, которому вроде бы удалось успокоиться, и Тарас уже понадеялся, что он сменит тему, – когда Прелцу перестанут давать. Может быть. Но этот день и час еще не настал, – промолвил он, ткнув пальцем в небо или, скорее, в деревянную кровлю террасы. – Приидет час волков импотенции и протечек простаты ... Но – не сегодня.

Затяжка.

– Помнишь, откуда это?

– «Властелин колец»?

– Властелин Стержня, – отозвался Прелц. – Слушай, Тарас!

– Слушаю.

– Что бы вам и в самом деле не заночевать? Выпили бы... Да, вертятся тут какие-то докторишки, но что мне до них? Рохли, недоделки. Достали, нет сил!

Он придвинулся к Тарасу и зашептал ему на ухо:

– А знаешь, что я перетрахал всех их подружек? Всех, до единой!

Кое-как усевшись на стул, Прелц продолжил свои размышления:

– Между нами говоря – а так оно и есть, ведь тут лишь я да ты... Мне уж шестьдесят и много ли осталось? Тупицы-студентки, медички, да и пациентки тоже, наверное, думают, что я старпер-сластолюбец. Ну, да ладно: сластолюбец, но уж чтоб старпер... А стоит мне нацелиться на кого из них – тут же чувствую себя извращенцем, протягивающим кулек конфет ребенку... Пора бы уж и перебеситься...

Он сцапал стакан и выпил все, что в нем было.

– Перебеситься! Скажи, Тарас, а?

– А ты еще не перебесился?

Прелц фыркнул, словно хлебнул скисшего вина.

– Тарас, ведь мы друзья?

Друзья? Прелц был старше лет на десять, они познакомились, когда Аленке досталась доля в клинике, то есть несколько лет назад, быть может, года четыре; сначала они виделись мельком, а потом стали выезжать на велосипедах: катались в основном вокруг Люблины, а три-четыре раза отправлялись и в дальние поездки... Пожалуй, такими и должны быть дружеские отношения. А нынче он познакомился и с женой Прелца.

– Есть такое!

– Правда?

– Правда.

– И если попрошу, окажешь мне услугу? Профессиональную, так сказать, но только по-дружески.

– Что за услугу?

Прелц помедлил, разглядывая пустой стакан, и махнул рукой.

– Ты ведь теперь знаком с моей женой?

– Ну, да.

– А знаешь ли ты, что она побывала на Олимпиаде? В Монреале, в 1976 году. Ну, помнишь, на той самой, где Надя Команечи завоевала десятку. Первая в мире! Да и Карин выступила бы, кабы не вся эта республиканская юго-кухня. Как Джеки Стюарт... Знаешь, кто такой Джеки Стюарт?

– Знаю. Гонщик «Формулы-1», семидесятые.

Дверь открылась, заглянула Аленка.

– Эй, вы, ужин на столе.

Вышла на террасу и всмотрелась в темноту. Снегопад усиливался.

– Ну и намело, – ежась от холода, сказала она. Обернулась к Тарасу:

– Тарас, если мы хотим сегодня попасть домой, надо поторопиться.

Похоже, Аленка успела прийти в себя. Она распахнула дверь в дом и подождала Тараса, который, в свою очередь, придержал дверь Прелцу.

– Если память мне не изменяет, то неокученной осталась лишь одна – Балажичка, – шепнул он, жестами изображая нечто объемное. – Вот уж на кого у меня никогда не стояло. Бедняжка.

– «Варта» – мое первое дело. Ну, не то чтобы совсем мое... Первое, в котором я был задействован.

Через месяц после того, как Тарас отучился и прошел несколько недель стажировки, его направили в группу, которой руководил Пенца. Группа занималась розыском тех, про кого думали, что человек уклоняется от уплаты долгов и налогов либо прячется от жены. Так считалось до тех пор, пока случайно забредшими в самую чащу грибниками не был обнаружен первый труп. Рядом нашли аккумулятор «Варта» – и дело обрело свое имя.

Интересно, Пенца в то время тоже относился к Тарасу свысока? Бог весть.

Расследование тянулось, а зацепок не было никаких, и тогда, ввиду недостатка улик, решили пойти на блеф: наугад арестовали одного из тех, кто был замечен в коррупционных связях со всеми тремя выявленными жертвами, и стали по нему палить из всех орудий. Для начала задержали на сутки – без каких-либо формальных показаний: так, догадки и домыслы. Затем, на еще более шатких основаниях, заставивших следователя качать головой, продлили задержание на последующие сорок восемь часов. Дознаться ни до чего не удалось. И когда все уже отчаялись, Пенца поручил Тарасу допросить подопечного – а что, пусть малый попрактикуется. Тарас сидел напротив рыхлого, надутого мужика, который, как впоследствии выяснилось, и был главой шайки убийц. Тот, пренебрежительно глянув на новичка, стал пенять на действия полиции, которая прицепилась к нему, несмотря на прочное алиби.

– Тоже мне, государство, – шипел задержанный. – Куда ни плюнь – повсюду одно: тех, кто к нам лезет с юга, мы блюдем пуше заповедных медведей, а коль ты чист, так тебя загнобят...

– Как я вас понимаю! – слицемерил Тарас. – Да мы и не собираемся вас тут удерживать – просто изложите вкратце все то, что вы уже рассказали моим коллегам, и вы свободны.

Беседа длилась часа полтора. Тарас все кивал и кивал, слушая монолог, из которого он так и не выцепил ничего такого, что не было бы известно его старшим коллегам. Но Пенца строго-настрого наказал ему покинуть камеру не раньше, чем через два часа, и Тарас не смел ослушаться.

– Да я и вам скажу: вот вы мне шьете мокруху, а мною там и не пахло...

И он стал перечислять все свои алиби, не дожидаясь вопросов.

– Когда исчез Слодняк... я был там-то и там-то... Когда Брайник – я был... Когда Ковач... Маркеж...

Четыре имени – а трупа три. Четвертый на тот момент еще не был обнаружен, о нем и речи не шло. Тарас – и тот чуть не пропустил эту оговорку мимо ушей.

Задержанного еще немного попрессовали и, хотя говорить он отказался, дальше все пошло как по маслу.

– Когда знаешь наверняка, что искать, обязательно найдешь, – сказал Пенца.

Пенца, конечно же, мог приписать заслугу по раскрытию дела себе, и так на его месте поступил бы любой, но...

А эту фразу – «Когда знаешь наверняка, что искать, обязательно найдешь», – Тарас запомнил на всю жизнь.

Жители Гореньского региона не очень любят, когда кто-то мешает им работать, или, по крайней мере, пристаёт к ним в часы, отведенные для работы. Им не нравятся визиты полиции, и тут они ничем не отличаются от населения других частей Словении, но на этот раз любопытство, взбудораженное известием о том, что совсем неподалеку в реке нашли женский труп, одержало победу над привычной нелюдимостью. На этот раз никто не стал, как всегда при явлении какого-то там госчиновника, пожимать плечами и говорить, что занят своими делами, а в чужие нос не сует, – напротив, сельчане решили «ненадолго отвлечься от дел и послушать», как гласит анонс популярной радиопередачи. К сожалению, из их ответов Брайц и Остерц не смогли себе ничего уяснить.

– И кто б это могла быть? – отвечали люди вопросом на вопрос.

– Ума не приложу. Ежели здешняя – уж кто-нить да признал бы ...

Или:

– Кабы с отсюда, тады... В тутошних недостахи нет...

Там, где дома оказывался мужчина, а тем паче пенсионер, на столе вырастала бутылка с корковой пробкой.

– Грушовый. Видишь грушу за домом? Сам гнал! Плеснуть?

Теперь нам понятно, почему Брайц с таким усердием будет налегать на комплексный обед номер один.

Заказа ждали пятнадцать минут, но его подали бы еще скорее, если бы Остерц не возжелал картошку фри – это было единственное блюдо, которое требовало приготовления. Брайц накинулся на еду, и Остерц мог какое-то время отдохнуть от реплик, которые были бы длиннее, чем: «А что – вполне съедобно!», или: «Что может быть лучше домашнего хавчика!», или «Бобик ли, Мурка – а всё мясо»... А когда Брайц, наконец, сделал глубокий вдох, чтобы изречь что-нибудь более весомое или хотя бы пространное, Остерц опередил его вопросом:

– Слушай, давай опросим еще двоих-троих? Чтоб Тарас не цеплялся, а?

Брайц отшвырнул вилку на край тарелки, которая еще не успела опустеть: видимо, вопрос Остерца его разгневал.

– Вот пусть сам бы и занимался всей этой мурой, – едва ли не завопил он, и головы всех сидевших в зале слегка повернулись в его сторону. – Все это мартышкин труд – ведь никто ничего не знает и никого не хватились.

Остерц покивал, став при этом похожим на игрушку с головой на пружинке – собачку или пингвина, из тех, что некогда массово украшали собой приборные панели и спинки задних сидений машин: при движении они забавно мотали головой. Брайц опять взялся за вилку, и тогда Остерц предпринял новый заход:

– Как бы там ни было, но десять опрошенных – это пустяк...

Теперь уж Брайц не дал сбить себя с толку. Он наколол на вилку очередной кусок мяса, ножом нагреб на него картошки, донес все это до рта, тщательно разжевал, а затем аккуратно сложил приборы крест-накрест – чтобы официантка, пожелай она явиться, по ошибке не забрала бы тарелку, в которой было еще что поклевать, утер салфеткой уголки рта и спросил:

– Ну, и сколько тебе нужно для полного счастья?

– Как минимум, пятнадцать.

Брайц проглотил пищу, огляделся вокруг, отрезал новый шмат жаркого, набил рот картошкой и пробурчал:

– Хватит и четырнадцати.

Перевод Жанны Перковской